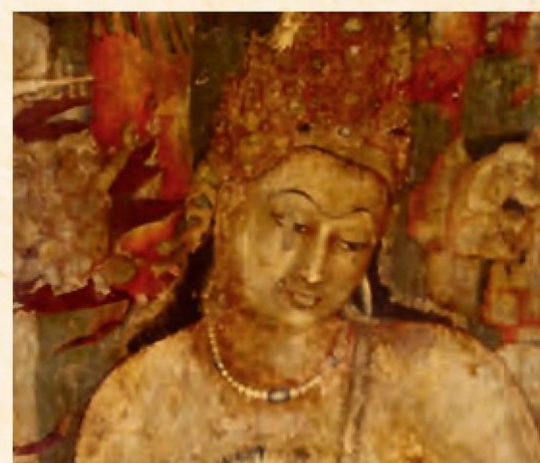

Рональд ИНГЛХАРТ

КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Как изменяются
человеческие мотивации
и как это меняет мир

Рональд Инглхарт

**Культурная эволюция. Как
изменяются человеческие
мотивации и как это меняет мир**

«Интермедиатор»

2017

УДК 008:316.7
ББК 71+60.52

Инглхарт Р. Ф.

Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Р. Ф. Инглхарт — «Интермедиадор», 2017

ISBN 978-5-91603-607-7

В своей книге Рональд Инглхарт проверяет разработанную им эволюционную теорию модернизации на базе данных, созданной с 1981 г. в рамках проектов Всемирное исследование ценностей и Европейское исследование ценностей, охватывающих более 100 стран и 90 % населения Земного шара. Исследование Р. Инглхарта показывает, что мировоззрение общества определяется уровнем экзистенциальной безопасности. Богатые общества становятся более открытыми и толерантными, в них повышается уровень доверия, защищаются права меньшинств, что дает людям большую свободу выбора жизненных решений. Все это способствует распространению демократии и ведет к увеличению среднего уровня счастья.

УДК 008:316.7

ББК 71+60.52

ISBN 978-5-91603-607-7

© Инглхарт Р. Ф., 2017
© Интермедиадор, 2017

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	9
Глава 1	11
Расширяя горизонты	15
Графики, а не уравнения	16
Глава 2	17
Краткий обзор	17
Классическая теория модернизации и эволюционная теория модернизации	18
Свидетельства значимости экзистенциальной безопасности	21
Рождение постматериализма в западных странах	23
Культурные изменения и трансформации всего общества	26
Познание и эмоции как источники изменения ценностей	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рональд Инглхарт
Культурная эволюция
Как изменяются человеческие
мотивации и как это меняет мир

© Комитет гражданских инициатив, 2018

Предисловие

Выдающийся американский ученый, социолог Рональд Инглхарт представил свою новую работу, посвященную разработанной им эволюционной теории модернизации, основные положения которой проверяются на уникальной базе данных.

С 1981 г. проект Всемирное исследование ценностей (World Value Survey), руководимый Р. Инглхартом, а также Европейское исследование ценностей (European Value Study) совместными усилиями проводят опросы в более чем 100 странах мира, в которых проживает 90 % населения земного шара. Собираемые данные, хотя может быть не слишком сложные по содержанию, тем не менее позволяют получить подтверждение для положений эволюционной теории модернизации. Новая работа Инглхарта выходит на русском языке даже немного раньше английского издания. По моему убеждению, она представляет особый интерес для ученых, читателей нашей страны.

Суть дела в следующем. Социально-экономическое развитие в разных странах идет по-разному, с разным успехом. Глобализация, происходящая в мире после Второй мировой войны, приводит к весьма интересным результатам. С одной стороны, потоки товаров и капиталов распространяются из многих стран, уже не только западных. Но можно сказать уверенно, что исходные их потоки шли с Запада, а теперь имеют и иные источники – Япония, Южная Корея, Китай, Индия. При этом успехи, достигаемые разными странами, весьма различны. Основные идеи Инглхарта состоят в том, что, во-первых, в странах, где наблюдаются наиболее благоприятные результаты, под влиянием развития современной экономики и сопровождающих его факторов повышения безопасности для жизни, происходят очень важные изменения ценностей. Они ведут к более терпимым отношениям к чужим и непохожим на нас людям, открытости новым идеям и более эгалитарным социальным нормам.

Другие страны, в том числе под влиянием глобализации, тоже меняются, проходят процессы модернизации. Причем в понимании Инглхарта модернизация носит не только технологический, но и социально-психологический характер. Во-вторых, в этих странах процессы модернизации зачастую крайне противоречивы. Исходный относительно низкий уровень экономической и физической безопасности, обусловленный во многом застаревшими традициями, с трудом поддается изменениям. Традиции и противостояние модернизации со стороны заинтересованных элит порой мешают этим странам развиваться. Положительные последствия глобализации дополняются серьезными конфликтами между странами и определенными кругами, которые снижают положительные стороны и вызывают негативные явления. В частности, Инглхарт отмечает в таких странах авторитаризм в управлении, ужесточение следования традиционным культурным нормам, нарастание ксенофобии. В итоге, модернизация идет медленнее, низкий уровень развития сохраняется во многих местах.

Сам Инглхарт воздерживается от глубоких оценок в отношении России, но я вижу свою задачу в том, чтобы подчеркнуть эти моменты.

Главный предмет, который изучает Инглхарт, это ценности. Он выделяет шкалы: «выживание» и «самовыражение», а также «традиции (религии) и секулярность с рационализмом». В каждой шкале счет идет снизу, от ценностей, характерных для большей бедности и традиционности к ценностям, складывающимся в Новое время. Уже аграрная экономика, преобладавшая в эпоху древности и Средневековья, все больше уступает торговле и промышленности. Для более точного обозначения этого перехода автор говорит о материалистических и постматериалистических ценностях. Из этой пары первые характерны для модернизации посредством индустриализации, а вторые – через новые знания и технологии. Хочу отметить, что 1973 год – условно качественная граница, определяемая масштабным повышением цен на нефть. Стоит договориться, что преобладание материалистических ценностей на этой границе заканчива-

ется, и оно переходит к постматериалистическим. Одновременно стоит отметить, что в этом выразилось и влияние марксистских идей, которые объясняли развитие экономики динамикой производительных сил, производственных отношений и т. п., доказывая, что материалистическое понимание истории всегда будет связано с экономикой.

Мнение Инглхарта иное: наступает момент, когда ценности экономического роста и материального богатства в глазах людей начинают замещаться ценностями свободы, равенства, справедливости, терпимости, интересами помощи другим людям и странам. Это, собственно, и говорит о возобладании постматериалистических ценностей. Во всяком случае в наиболее развитых странах. Я бы сказал, что упомянутые выше шкалы говорят примерно об одном – о развитии экономики и культуры, прежде всего в этих странах, что приводит и к изменению значений тех или иных ценностей. Не всё про материальное богатство, но и про развитие науки, других областей знаний и искусств, притом что в основе лежит все же развитие экономики.

Инглхарт отмечает, что до рыночных реформ в России довольно успешно развивалась культура и связанные с ней ценности, но потом начались рыночные реформы, ухудшилось положение трудящихся и вновь материальные интересы вышли на первый план. Я всё же хотел бы отметить, что это ни в коем случае не говорит о новом этапе отставания России. Это только цена перехода, а рыночная экономика, изначально, прежде всего на Западе, была исторической основой потеснения выживания самовыражением, материалистических ценностей постматериалистическими. Те же тенденции я бы отметил и в динамике показателей других шкал Ш. Шварца – автономии и принадлежности (к группе), Г. Хофстеде – индивидуализма и коллективизма. Но у Шварца целый круг ценностей, которые даже не выстраиваются в набор шкал. Я заметил только особое значение ценности гармонии в китайской цивилизации, против которой можно поставить автономию как противовес в цивилизации европейской.

Ценности Г. Хофстеде также различны для разных цивилизаций, но они могут быть рассмотрены как шкалы:

1. *дистанция власти* – для европейских стран характерна короткая дистанция, для восточных – длинная. На Востоке отношения к начальникам гораздо более отдаленные, начальники малодоступны.

2. *индивидуализм* – по мнению Хофстеде, в профессиональной сфере не проявляется. Это скорее круг, но все же противопоставление коллективизму, более характерному для отдаленных этапов развития и скорее отсталых обществ.

3. *маскулинность и феминность* – ценности, скорее всего, не связанные со временем развития культуры, хотя маскулинность особо ценна для этих постоянных военных противодействий, требовательных к физической силе, а сейчас гендерные различия для развития менее существенны.

4. *избегание неопределенности* – свойство (скорее не ценность как таковая) очень важное. Я бы сказал, что оно важно, скажем в иерархических системах, где так много зависит от вышестоящих лиц, но может быть весьма негативно в рыночных экономиках, где многое зависит от успеха в конкуренции.

Я более подробно остановился на Хофстеде, поскольку столкнулся с интересными исследованиями по его методике на российском материале. Я более подробно остановился на Хофстеде, поскольку столкнулся с интересными исследованиями по его методике на российском материале¹². Посмотрим табл. 1.

Таблица 1. Показатели культурной специфики стран Запада и Востока (по Хофстеде)

---

¹ Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. 2010.

² Латова Н. В. Производственная культура рабочих современной России... // Мир России. № 1. 2017. С. 36–63.

Группы стран	Дистанция власти	Индивидуализм	Маскулинность	Избегание неопределенности
Запад	32	74	50	53
Восток	69	27	49	76
Россия	28	61	36	91

Источник. Латова Н. В. Производственная культура рабочих современной России... // Мир России. № 1. 2017. С. 46.

Обращаю внимание: по дистанции власти Россия близка к Западу, то же по индивидуализму, хотя и меньше (61 против 74, а на Востоке – 27). Отсюда вывод о близости России по культуре к Западу. Маскулинность пропускаем, хотя можно было бы зацепиться по России за склонность к феминизму. А вот избегание неопределенности у русских самое большое – 91 против 76 на Востоке и 53 на Западе. О чем это говорит? Я думаю, что не о различиях в культуре и ценностях, но скорее о более сложных событиях истории в XX в.

Отсюда можно сделать вывод: из всех рассмотренных шкал для сопоставления ценностей наиболее выразительна шкала Инглхарта. Она – самая простая – выживаемость и самовыражение. Еще в дополнение шкала традиционности и секулярности – рациональности, которые дополняют друг друга в одном наиболее важном отношении – уровне развития прогресса. К этому добавляются выводы относительно условий и преимуществ усвоения демократии: ясно, что демократия становится возможна на упомянутых шкалах в области сочетания самовыражения и рациональности. Тогда и достигаются условия для сочетания свободы и справедливости, а власть делается подконтрольной обществу.

Свободу, справедливость (или равенство) и власть я рассматриваю как высшие ценности в человеческой культуре. Согласование их достигается только в условиях демократии, при которой обеспечиваются и выгодные значения самовыражения. Не важно, что предложения Инглхарта самые простые, но зато они позволяют с наибольшим богатством использовать результаты наблюдений по большинству стран. Глубоко убежден, что для российского читателя предлагаемая книга представит очень большой интерес. Я остановился даже не на всех главах, но только наиболее важных на мой взгляд. Спасибо автору.

Е. Ясин

Благодарности

Эта книга основана на ряде исследований, проведенных совместно с Полом Абрамсоном, Уэйном Бейкером, Кристианом Вельцелем, Рональдом Чарльзом Инглхартом, Пиппой Норрис, Кристофером Петерсоном, Эдуардом Понариным, Жаком Рабье и Роберто Фоа. Я глубоко признателен коллегам и друзьям за их вклад в эту работу и с удовольствием пользуюсь случаем и выражаю им свою признательность на страницах этой книги. Они, в сущности, стали ее соавторами. Я также выражаю благодарность тем людям, без которых это книга не была бы написана, поскольку они проводили Всемирное исследование ценностей (WVS) и Европейское исследование ценностей (EVS) в более чем ста странах мира с 1981 по 2014 г. Я благодарю ведущих исследователей WVS и EVS за то, что они создали и поделились этой богатой и комплексной базой данных; это: Энтони М. Адела, Сюзан Адамс, К. К. Ахмад, Сальваторе Абрुзесе, Абдель-Хамид Абдель-Латиф, Марчелла Абрашева, Мохаммен Аддахри, Алишер Алдашев, Дарвиш Абдулрахман Аль-Эмади, Фатхи Али, Абдулразак Али, Раса Алишаускене, Хельмут Анхайер, Хосе Аросена, Виль А. Арт, Су Янг Ау, Таджи Азадармаки, Лильяна Бачевич, Ольга Балакирева, Иосип Балобан, Дэвид Баркер, Мигель Басанез, Елена Башкирова, Абдалла Бедайда, Хорхе Бенитез, Жак Бийе, Алан Блэк, Эдуард Бомхофф, Аммар Букхедир, Рахма Буркийя, Фарес аль-Брайзат, Лори Брамурел-Джонс, Майкл Брин, Зива Бродер, Тавилвади Бурикул, Карин Буш, Гарольд Кабальерос, Мануэль Виллаверде, Ричард Бакиа/Бакиа-Каруана, Клаудио Кальварусо, Павел Кампеану, Августин Канцани, Джузеппе Капраро, Марита Карбальо, Андрес Касас, Энрике Карлос де О. де Кастро, Пи-Чо Чен, Прадип Чхиббер, Марк Ф. Чингоно, Хей-юан Чиу, Винсент Чуа, Маргит Кливленд, Мирцеа Комса, Мункит Дагер, Эндрю П. Дэвидсон, Херман Де Дейн, Рууд де Мур, Пьер Делуз, Питер Дж. Д. Дерент, Абдель Нассер Дьяби, Карел Доббелере, Херман Дюльмер, Хавьер Эльзо, Йилмаз Эсмер, Пол Устген, Тони Фаэй, Надьематул Файзах, Таир Фарадов, Роберто Стефан Фоа, Майкл Фогарти, Георгий Фотев, Луис де Франка, Айкатерини Гари, Илир Гедеша, Джеймс Георгас, Ч. Геппарт, Билай Гилани, Марк Гилл, Степан Гредель, Ренцо Губерт, Линда Лус Герреро, Питер Гунделах, Дэвид Салмонт Хаак, Кристиан Хэмпфер, Абдельвахаб Бен Хафайед, Жак Хагенарс, Люк Халман, Мустафа Хамарне, Трейси Хэммонд, Санг-Цзинь Хан, Элемер Ханкисс, Оулавюр Харальдссон, Стивен Хардинг, Мари Харрис, Пьер Хаусман, Бернадетт С. Хейес, Гордон Хильд, Камило Эррера, Феликс Хойнкс, Вирджиния Ходжкинсон, Надра Мухаммед Хозен, Хоан Рафел Мико Ибанез, Кендзи Иидзима, Фр. Джоэ Ингануес, Любовь Ишимова, Вольфганг Ягодзинский, Мерил Джеймс, Александра Ясинска-Каня, Фридрих Йонссон, Доминик Джой, Станисловас Юкневичюс, Салю Каликова, Татьяна Карабчук, Кьеран Кеннеди, Ян Керкхофс, Дж. Ф. Килти, Джоан Кингхорн, Ханс-Дитер Клингеманн, Ренате Кочер, Йоанна Конечна, Хенни Котце, Ханспетер Криеси, Миори Куримура, Зузана Куса, Марта Лагос, Бернар Латеган, Мишель Легран, Карлос Лемуан, Ноа Левин-Эпштейн, Хуан Линц, Ола Листхауг, Цзинь Юнь Лю, Лейла Лотти, Рууд Лейкс, Сюзанна Лундасен, Брина Малнар, Егине Манасян, Роберт Манчин, Махар Мангахас, Марио Маринов, Мира Мароди, Карлос Матеус, Роберт Мэттс, Иэн Макаллистер, Рафаэль Мендизабаль, Джон Миллер, Фелипе Миранда, Мансур Моаддель, Мустафа Мохаммед, Хосе Молина, Алехандро Морено, Гаспар К. Муниши, Наассон Муньяндамутса, Костас Милонас, Нил Невитт, Чун Хунг Нг, Симплисе Нгампу, Хуан Диез Николас, Хайме Медрано Николас, Элизабет Ноэль-Нойманн, Пиппа Норрис, Элоне Нвабузор, Стефан Олафссон, Франсиско Андрес Оризо, Магуэд Осман, Мераб Пачулия, Кристина Паэс, Алуа Панкхурст, Драгомир Пантич, Юхани Пеконен, Пол Перри, Э. Петерсен, Антоанела Петковска, Дору Петрути, Торлейф Петтерссон, Фам Минь Хак, Фам Тхань Нги, Тимоти Филлипс, Геворк Погосян, Эдуард Понарин, Люсьен Поп, Би Пуранен, Ладислав Рабушиц, Андрей Райчев, Элис Рамос, Ану Реало, Ян Рехак, Элен Риффо, Оле Риис, Анхель Ривера-Ортис, Нильс Ром, Ката-

лина Ромеро, Гегели Роста, Давид Ротман, Виктор Рудометоф, Джанкарио Ровати, Самир Абу Руман, Андрус Саар, Раджаб Сагтаров, Рахмат Сеиг, Тан Эрн Сер, Сандип Шастри, Шен Мингминг, Муса Штейви, Рената Семенска, Мария Сильвестр Кабрера, Ричард Синнотт, Алан Смит, Жан Штотцель, Канчо Стойчев, Марин Стойчев, Джон Сударский, Эдвард Салливан, Марк Свенхедау, Тан Цзин-Пин, Фарук Танвир, Жан-Франсуа Черниа, Карим Теюмола, Ноэль Тиммс, Лариса Титаренко, Миклош Томка, Альфредо Торрес, Нико Тос, Иштван Дьердь Тот, Джозеф Тройси, Ту Су-хао, Клаудиу Туфис, Хорхе Вала, Андрей Вардомацкий, Дэвид Воас, Богдан Войку, Малина Войку, Лилиан Войе, Ричард М. Уокер, Алан Уэбстер, Фридрих Вельш, Кристиан Вельцель, Мейдам Вестер, Крис Уилан, Роберт Вустер, Сейко Ямазаки, Бироль Йесилада, Эфраим Юхтман-Яар, Жозефина Зайтер, Каталин Замфир, Бригита Зепа, Игнасио Зуа-снабар и Пауль Цулелер.

Данные WVS и EVS, использованные в этой книге, включают 358 опросов, проведенных на протяжении шести волн исследования ценностей с 1981 по 2014 г. в 105 странах мира, в которых живет более 90 % всего населения Земли. В этой книге также используются данные Евробарометра – опроса, запущенного в 1970 г. Жаком-Рене Рабье. Опросы Евробарометра послужили моделью для WVS и EVS, а также для ряда других международных исследований и были источником ключевых вопросов, использованных в исследованиях ценностей. Ян Керкхофс и Рууд де Мур организовали Европейское исследование ценностей и пригласили меня провести аналогичные опросы в других частях мира, что привело к возникновению Всемирного исследования ценностей. Джейми Диез Медрано архивировал базы данных обоих исследований, и WVS, и EVS, так что они стали доступны сотням тысяч пользователей, которые анализируют и скачивают данные с веб-сайтов этих проектов.

Я благодарен Джону Миллеру, Уильяму Циммерману, Артуру Лупии, Кеннету Коллману и другим коллегам из Мичиганского университета за их комментарии и советы. Также я хочу поблагодарить Анну Коттер и Юонга Янга за их незаменимую помощь и с благодарностью признаю поддержку исследованию, которую оказал Национальный научный фонд Соединенных Штатов и министры иностранных дел Швеции и Нидерландов, которые поддержали сбор данных в ряде стран в различные волны Всемирного исследования ценностей. Также я хочу высказать свою признательность российскому Министерству образования и науки за грант, благодаря которому была создана Лаборатория сравнительных социальных исследований в Высшей школе экономики в Москве и Санкт-Петербурге, а также проведено Всемирное исследование ценностей в России и еще восьми постсоветских странах в 2011 г. Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100». Я также признателен Мичиганскому университету за профессиу имени Эми и Алана Левенштейн по демократии и правам человека, которая обеспечила меня бесценной исследовательской поддержкой на протяжении работы над этой книгой.

Глава 1

Краткий обзор книги

Ценности и поведение человека во многом обусловлены тем, в какой степени его выживание гарантировано. На протяжении большей части истории существования человека выживание зависело от непредвиденных обстоятельств и определялось волей случая. Эта нестабильность определяла жизненные стратегии людей. Население росло до тех пор, пока всем хватало пищи, и большинство людей жили на грани голода. В таких условиях обеспечить выживание группы могли сильная внутригрупповая солидарность, неприятие незнакомцев, подчинение групповым нормам, повиновение сильным лидерам. В условиях нехватки ресурсов ксенофобия имеет практический смысл: если земли достаточно только для одного племени, но на нее претендует и другое племя, то выживание буквально диктует выбор – или «мы», или «они». В таких условиях успешная стратегия выживания для племени – это сомкнуть ряды вокруг сильного лидера, сформировать единый фронт против чужаков: такой синдром можно назвать «авторитарным рефлексом». И наоборот, высокий уровень экзистенциальной безопасности открывает возможности для большей автономии индивида и открытости к разнообразию, изменениям и новым идеям.

Представление о том, что почтительное отношение к власти идет рука об руку с ксенофобией и другими формами нетерпимости, впервые сформулировано в классическом исследовании «Авторитарная личность»³, где авторитаризм рассматривался как черта характера, формирующаяся под влиянием суровых практик воспитания детей. С самого начала понятие авторитаризма является предметом дискуссий⁴, и его обсуждению посвящена огромная литература. Его первоначальная теоретическая основа и инструментарий, исходно применявшийся для его измерения, в целом заменены новыми, но на протяжении семи десятилетий множество исследований подтвердили наличие тесной связи авторитаризма с ксенофобией, нетерпимостью и подчинением групповым нормам. Это может отражать глубоко укорененную реакцию людей на отсутствие безопасности. В недавнем обзоре большого массива данных, основанных на опросах, экспериментах и статистике, авторы пришли к выводу о существовании синдрома авторитарного расизма, политической и моральной нетерпимости, причиной которых служит врожденная предрасположенность к нетерпимости на фоне изменения уровня угроз в социуме⁵. Мои собственные исследования показывают, что уровень авторитаризма в данной возрастной когорте определяется уровнем экзистенциальной безопасности, сопутствовавшим их взрослению.

После Второй мировой войны в экономически развитых странах произошло нечто беспрецедентное: значительная часть послевоенного поколения выросла, считая выживание само собой разумеющимся. Это явление стало отражением следующих факторов:

1. Беспрецедентный экономический рост послевоенной эпохи в Западной Европе, Северной Америке, Японии и Австралии.
2. Возникновение государства всеобщего благосостояния, которое гарантировало, что почти никто не умрет от голода.
3. Отсутствие войн между важнейшими державами: самый продолжительный мирный период в истории начался после Второй мировой войны.

---

³ Adorno, T. W., Frenkel-Brunswick, E., Levinson, D. J., & Sanford, R. N. (1950). *The authoritarian personality*.

⁴ Christie, R. E., & Jahoda, M. E. (1954). *Studies in the scope and method of «The authoritarian personality.»*

⁵ Stenner, Karen. *The authoritarian dynamic*. Cambridge University Press, 2005.

Беспрецедентный уровень экономической и физической безопасности привел к глубоким межпоколенческим культурным изменениям, трансформировавшим ценности и мировоззрение людей; произошел сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, который, в свою очередь, стал частью еще более глобального сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Эти широкие культурные изменения связаны со сменой главных жизненных приоритетов: от экономической и физической безопасности и подчинения групповым нормам – к росту значимости индивидуальной свободы и возможности выбора жизненной стратегии. Ценности самовыражения подчеркивают гендерное равенство, толерантность по отношению к аутгруппам и гомосексуалам, свободу выражения и участие индивида в принятии решений в экономической и политической сфере. Этот культурный сдвиг принес масштабные социальные и политические изменения, от политики охраны окружающей среды и антивоенных общественных движений до более высокого уровня гендерного равенства в правительстве, бизнесе и академической жизни, а также распространение демократии.

Значительные различия между культурами существовали задолго до того, как произошел сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Культурные различия можно объяснить, в частности, географическими различиями в уязвимости к болезням и голоду. Ученые, работающие в различных областях знания, описывали эти культурные различия в противопоставлении коллективизма и индивидуализма, ценностей выживания и самовыражения, автономии и встроенности; но все они связаны с общим диапазоном межкультурной вариации, который отражает различные уровни «экзистенциальной безопасности» – того, насколько гарантированным считается выживание. В течение послевоенных десятилетий растущая экзистенциальная безопасность позволила большинству стран мира продвинуться в сторону индивидуализма, автономии и самовыражения.

Страны, которые достигли высокого уровня по шкале ценностей самовыражения, с большей вероятностью, чем общества с преобладанием ценностей выживания, принимают законодательство, благоприятное для геев и лесбиянок. Они также чаще занимают высокие позиции по разработанному Организацией Объединенных Наций показателю расширения возможностей женщин (ПРВЖ), который учитывает, какую долю высоких позиций в политической, экономической и академической жизни общества занимают женщины.

Данные опросов демонстрируют, что базовые нормы изменяются вот уже 50 лет, в то время как изменения на уровне всего общества в обоих случаях начались относительно недавно.

Культурные изменения предшествовали институциональным изменениям и, видимо, способствовали им.

Высокий уровень экзистенциальной безопасности также благоприятствует секуляризации – систематической эрозии религиозных практик, ценностей и верований. За последние пятьдесят лет секуляризация распространилась среди населения практически всех развитых индустриальных стран. Тем не менее в мире в целом сегодня больше людей с традиционными религиозными взглядами, чем когда-либо прежде, поскольку секуляризация сильно и отрицательно сказывается на уровне рождаемости. Практически во всех наиболее секулярных странах рождаемость сегодня намного ниже уровня простого воспроизводства населения, в то время как в обществах с традиционными религиозными ориентациями рождаемость в два или три раза превосходит уровни воспроизводства. Массовые установки по отношению как к гендерному равенству, так и к гомосексуальности изменялись в два этапа. На первом этапе постепенно повышался уровень терпимости по отношению к геем и росла поддержка гендерного равенства, по мере того как старые поколения сменялись новыми. В конце концов общество достигло порога, после которого в странах с высоким доходом уже новые нормы стали рассматриваться как доминантные. Давление большинства сменило направление и поддержало те изменения, которым сопротивлялось ранее, что привело к намного более стремительным изме-

нениям, нежели те, что были связаны со сменой поколений. К 2015 г. большинство судей Верховного Суда США поддерживали однополые браки: даже судьи старшего поколения хотели оказаться на «правильной» стороне истории. Эта «феминизация» культурных норм в развитых странах также обусловила сокращение уровня насилия и снижение желания воевать за свою страну. Более того, страны с высоким уровнем ценностей самовыражения намного чаще являются настоящими демократиями, чем страны с низкой поддержкой этих ценностей. Но ведет ли распространение ценностей самовыражения к демократии или это демократия является причиной возникновения ценностей самовыражения? Причинно-следственная связь в данном механизме направлена в основном от ценностей самовыражения к демократии. Демократические институты не являются необходимым условием возникновения ценностей самовыражения. В годы, предшествующие глобальной волне демократизации, наступившей около 1990 г., ценности самовыражения распространялись путём межпоколенческих изменений не только в западных демократиях, но и во многих авторитарных обществах. Поэтому неудивительно, что, как только угроза советского военного вмешательства миновала, страны с высоким уровнем ценностей самовыражения быстро демократизировались.

Культурные изменения отражают перемены в стратегиях достижения счастья. В аграрных обществах с отсутствующим или слабым экономическим развитием и социальной мобильностью религия делает людей счастливее, снижая их ожидания от этой жизни и обещая, что они будут вознаграждены в жизни загробной. Но модернизация приносит экономическое развитие, демократизацию и рост социальной толерантности, которые способствуют счастью, поскольку дают людям возможность выбирать жизненные стратегии. Как следствие этого – хотя *внутри* большинства стран религиозные люди счастливее, чем нерелигиозные, – в модернизированных и секулярных странах люди в целом более счастливы, чем в менее модернизированных, но религиозных странах. Таким образом, хотя религия способствует счастью в условиях домашних обществ, но как только становится возможным достижение высоких уровней экономического развития, современная стратегия достижения счастья становится более эффективным способом максимизации счастья, чем традиционная стратегия. Но *возможно ли* вообще повысить уровень человеческого счастья? До недавнего времени широко признавалось, что уровень счастья колеблется вокруг некоторых постоянных значений (возможно, обусловленных генетическими факторами), и таким образом, ни индивиды, ни общества не могут надолго увеличить свой уровень счастья. Данная книга демонстрирует, что это утверждение неверно. С 1981 по 2011 г. уровень счастья вырос в 52 обществах из 62, для которых были доступны временные ряды данных, а упал только в десяти из них; в течение этого же периода удовлетворенность жизнью выросла в 40 странах, а снизилась лишь в 19 (три не показали значимых изменений). Два наиболее широко используемых индикатора счастья выросли в подавляющем большинстве стран. Почему? То, в какой степени общество допускает свободу выбора, имеет большое влияние на уровень счастья. С 1981 по 2007 г. экономическое развитие, демократизация и социальная толерантность выросли до уровня, при котором люди в большинстве стран имеют свободный выбор в экономической, политической и социальной сферах жизни, что повышает их уровень счастья. Переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, видимо, способствует повышению уровня счастья и удовлетворенности жизнью. В последние десятилетия глобализация перенаправляла огромные объемы капитала и технологий в другие части мира, принося с собой быстрый экономический рост, особенно в Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и Индии. Половина населения мира быстро выбирается из нищеты. В долгосрочной перспективе это, вероятно, приведет к культурным и политическим изменениям, аналогичным тем, что уже произошли в странах с высоким доходом. Но в то же время глобализация и аутсорсинг приводят к конкуренции между рабочими из стран с высокими и низкими доходами, экспорту рабочих мест и подрыву возможностей рабочих из богатых стран отстаивать свои интересы. Автоматизация еще больше сокращает количество промышленных рабочих, доля

которых среди рабочей силы в развитых странах стала совсем мала. Первоначально на рабочие места в промышленности приходилось большое количество высокооплачиваемых позиций в секторе услуг. Но общества с высокими доходами, такие как США, сейчас входят в новую фазу развития, которую можно назвать обществом искусственного интеллекта. Потенциально оно способно искоренить бедность, улучшить человеческое здоровье и повысить продолжительность жизни, но, если отдать его во власть силам рыночной экономики, оно склонно воссоздавать в обществе игру с нулевой суммой, где вся прибыль практически в полном объеме достается тем, кто находится на самой верхушке социальной структуры. В богатых обществах неравенство в доходах и имущественное неравенство резко возросло с 1970 г. В 1965 г. топ-менеджеры крупных корпораций США получали в 20 раз больше, чем их средний работник. В 2012 г. они зарабатывали уже в 354 раза больше. Если политика правительства не компенсирует это неравенство, ситуация, когда «победитель получает всё», будет снижать экономический рост, демократию и культурную открытость, которые возникли в послевоенный период.

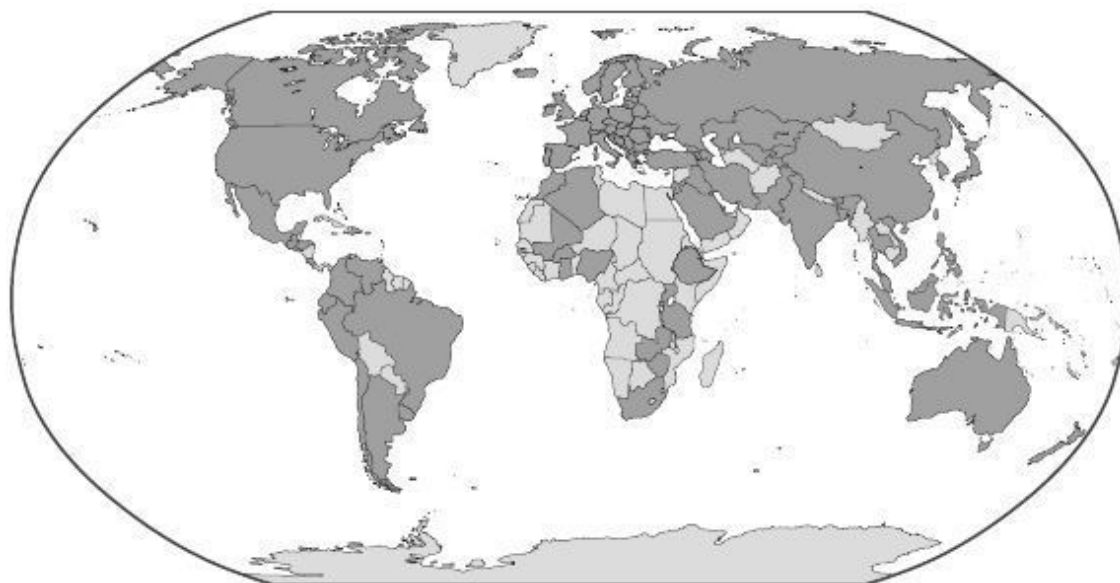
Искусственный интеллект позволяет компьютерным программам заменять не только промышленных рабочих, но и высокообразованных специалистов: юристов, врачей, профессоров, даже программистов. В обществах с высокими доходами, например в США, реальные доходы промышленных рабочих сократились по сравнению с 1970 г., а реальные доходы людей с дипломами бакалавра и выше не выросли или снижались с 1991 г.

В обществе искусственного интеллекта главный экономический конфликт происходит уже не между рабочим и средним классом, но между одним процентом и 99 процентами населения, как выразился однажды нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц. Стабильные, хорошо оплачиваемые рабочие места исчезают, причем не только для рабочего класса, но и для высокообразованных специалистов.

Резюмируя вышесказанное, мы утверждаем, что высокий уровень экзистенциальной безопасности с большой вероятностью приносит более толерантный и открытый взгляд на мир; а снижение ощущения экзистенциальной безопасности, наоборот, часто вызывает «авторитарный рефлекс», приносящий поддержку сильным лидерам, мощную внутригрупповую солидарность, отвержение посторонних и строгое подчинение групповым нормам. Этот рефлекс сегодня несет растущую поддержку ксенофобским и популистским движениям во многих странах, от «Национального фронта» во Франции до голосования за выход Великобритании из Европейского союза и возвышения Дональда Трампа в США. Но – в отличие от ксенофобского авторитаризма времен Великой депрессии – этот подъем не является следствием объективной нехватки ресурсов. Все эти страны богаты ресурсами. Сегодня чувство незащищенности возникает из растущего неравенства, которое в конечном счете стало политической проблемой. При соответствующей политической перестройке могут сформироваться правительства, которые восстановят высокий уровень экзистенциальной безопасности, создавший безопасные и толерантные общества послевоенного периода.

Расширяя горизонты

В этой книге представлен ряд гипотез, следующих из эволюционной теории модернизации и проверяемых на уникальной базе данных. С 1981 по 2014 г. проекты Всемирное исследование ценностей (WVS) и Европейское исследование ценностей (EVS) объединенными усилиями систематически проводили опросы в более чем ста странах мира, в которых проживает более 90 % населения Земли. Все эти страны изображены на рис. 1.1. Собранные данные, а также анкеты и информация по методике сбора данных доступны на сайте Всемирного исследования ценностей <http://www.worldvalues-survey.org/>.

Рис. 1.1. Страны, в которых хотя бы раз было проведено исследование ценностей. В этих странах живет более 90 % всего населения земного шара

Некоторые межстрановые опросные исследования ограничиваются работой в государствах с авторитетными опросными исследовательскими организациями. Это делается для того, чтобы обеспечить высококачественную работу по сбору данных, однако это в значительной степени ограничивает их выборки странами с высокими доходами. С самого основания Всемирное исследование ценностей стремилось охватить весь диапазон обществ, в том числе страны с низким доходом. В этом случае возможны два противоположных результата: (а) предполагаемое увеличение ошибки измерения в странах с низким доходом и менее развитой инфраструктурой для проведения массовых опросов, что может привести к ослаблению корреляций между установками и их факторами; и (б) включение всех типов обществ повышает аналитическую мощь предсказания, в соответствии с чем эти корреляции усилятся. Какой эффект сильнее? Наши результаты вполне однозначны. Если предполагаемое низкое качество данных, полученных в странах с низкими доходами, перевесит аналитическую выгоду, получаемую от их включения в исследование, это будет означать, что их включение должно ослабить возможности исследования предсказывать соответствующие социальные явления. Эмпирический анализ показывает, что предсказательная способность на основе всех доступных для изучения обществ значительно сильнее, нежели та, что получена только на основе данных из стран с высокими доходами. Другими словами, выгоды, полученные путем анализа всего диапазона вариации, с лихвой компенсируют любые потери в качестве данных.

Графики, а не уравнения

Хотя я и провел много счастливых часов, размышляя над подробными статистическими таблицами, ясно, что это не всем по вкусу. Большинство читателей-неспециалистов в этой области попросту теряются, когда видят серию регрессионных уравнений. Я думаю, что идеи, обсуждаемые в этой книге, смогут увлечь широкую аудиторию, если будут представлены в содержательном, а не техническом виде. Поэтому книга не содержит ни одного регрессионного уравнения и не включает сложных статистических таблиц (хотя она представляет *результаты* многих количественных исследований). Она включает также довольно много графиков, которые передают связи, основанные на большом количестве данных, и в простой, яркой форме показывают, например, что гендерное равенство повышается по мере того, как страны становятся богаче. Эта книга предназначена для того, чтобы помочь читателю составить более четкое представление о том, как меняются человеческие ценности и цели, а также те удивительные направления, в которых ценностные изменения меняют мир.

Глава 2

Эволюционная теория модернизации

Краткий обзор

Культура общества определяется тем, насколько живущие в нем люди растут с уверенностью или неуверенностью в том, что их выживание гарантировано. В этой книге представлена пересмотренная версия теории модернизации – эволюционная теория модернизации, – которая гласит, что низкий уровень экономической и физической безопасности является благодатной почвой для развития ксенофобии, сильной внутригрупповой солидарности, авторитаризма в политике и жесткого следования традиционным культурным нормам; и наоборот, что безопасные условия жизни ведут к более терпимому отношению к аутгруппам, открытости новым идеям и более эгалитарным социальным нормам. Далее в книге анализируются опросные данные из стран, в которых проживает более 90 % населения мира, и демонстрируется, каким образом рост уровня экономической и физической безопасности в последние десятилетия изменял ценности и мотивации людей, тем самым трансформируя целые общества.

На протяжении большей части человеческой истории выживание не было гарантировано; население могло расти лишь до тех пор, пока все члены общества были обеспечены пищей, а затем его численность оставалась на одном уровне, сдерживаемая голодом, болезнями и насилием. В XX веке индустриализация, урбанизация и массовая грамотность позволили рабочему классу мобилизоваться в профсоюзы и лево-ориентированные политические партии, которые выбирали правительства, внедрявшие политику перераспределения и систему экономической поддержки населения. Эти тенденции подкреплялись исключительно быстрым экономическим ростом в десятилетия после Второй мировой войны, а также отсутствием войн между крупнейшими державами. Население наиболее развитых индустриальных стран испытало беспрецедентно высокий уровень экзистенциальной безопасности: новое поколение в этих странах выросло, принимая выживание как должное. Все это привело к межпоколенческой смене ценностей: от приоритета экономической и физической безопасности – к большему акценту на свободе выбора, защите окружающей среды, гендерному равенству и толерантности к гомосексуалам. В свою очередь, это привело к масштабным изменениям на уровне всего общества, таким как волна демократизации в конце 1980-х – начале 1990-х годов или легализация однополых браков.

Классическая теория модернизации и эволюционная теория модернизации

У теории модернизации долгая история. Идея о том, что экономическое развитие приносит предсказуемые социальные и политические изменения, была неоднозначной еще с тех пор, как ее предложил Маркс. Она притягательна тем, что не только пытается объяснить, что происходило в прошлом, но и предсказать, что произойдет в будущем. До сих пор большинство попыток предсказать человеческое поведение провалилось, а основные предсказания ранней марксистской теории модернизации были ошибочны: промышленные рабочие не стали подавляющим большинством среди рабочей силы и не принесли всемирную пролетарскую революцию; запрет частной собственности не положил конец эксплуатации и конфликтам, а привел к возникновению нового правящего класса – коммунистической партийной элиты. Человеческое поведение настолько многогранно и находится под влиянием настолько широкого круга факторов, что любые притязания на точные и детерминистские предсказания обречены на провал.

Главная черта модернизации состоит в том, что она делает жизнь более безопасной, устраняя голод и увеличивая ожидаемую продолжительность жизни. При высоком уровне развития общества это коренным образом изменяет мотивации людей. С этого времени жизненные стратегии больше не основываются на предположении, что выживание находится под угрозой; их место занимают такие стратегии, где выживание рассматривается как должное, и потому главным в этих стратегиях становится широкий круг других человеческих устремлений.

Ощущение небезопасности и того, что выживание не гарантировано, обостряет этноцентрическую солидарность против чужаков и усиливает внутреннюю сплоченность вокруг авторитарных лидеров. Действительно, в условиях серьезной нехватки ресурсов выживание может потребовать сплотить ряды в общей битве за выживание. Поскольку человечество жило на грани голода в течение практически всего времени своего существования, у него выработался «авторитарный рефлекс»: отсутствие безопасности запускает рост поддержки сильных лидеров, интенсивную внутригрупповую солидарность, отвержение чужаков и жесткое подчинение групповым нормам. И наоборот, высокий уровень безопасности оставляет больше возможностей для индивидуальной свободы выбора и большей открытости по отношению к представителям других групп и к новым идеям.

Эволюция сформировала организмы таким образом, что выживание для них важнее всего. Организмы, которые не следовали этому закону, вымерли. К настоящему моменту вымерло большинство всех когда-либо существовавших видов. Следовательно, человеческая эволюция происходила таким образом, что люди стали уделять первоочередное внимание получению необходимых для выживания ресурсов, когда их не хватает. Без кислорода человек может прожить всего несколько минут, и, когда кислорода не хватает, все силы человека направлены на его получение. Без воды человек может прожить несколько дней, но, когда воды не хватает, люди отчаянно пытаются получить ее и могут убить за нее, если необходимо. Когда жизненно необходимые ресурсы воды и воздуха доступны, люди считают их само собой разумеющимися и отдают приоритет другим целям. Хотя без еды можно прожить несколько недель, нехватка продуктов делает их добычу первоочередной задачей. На протяжении человеческой истории еды, как правило, не хватало, что отражает биологические тенденции роста численности популяции только до тех пор, пока еды достаточно для всех её членов.

Существует огромная разница между теми, кто рос, зная, что его выживание не гарантировано, и теми, кто принимал это как должное. На протяжении большей части человеческой истории выживание не было гарантировано, однако в последние десятилетия все более заметная доля населения мира выросла, предполагая, что никогда не будет голодать. Выживание –

это настолько базовая цель, что оно влияет практически на все аспекты человеческой жизни. Поэтому в обществах, где выживание сегодня рассматривается как данность, в мотивациях к работе, в религии, политике, сексуальном поведении и воспитании детей происходят масштабные изменения.

Социальные изменения не являются детерминированными, но некоторые траектории более вероятны, чем другие. В долгосрочной перспективе, как только в стране начинается экономическое развитие, весьма вероятны определенные изменения. Например, индустриализация приносит урбанизацию, профессиональную специализацию и рост уровня формального образования в любом обществе, в котором индустриализация состоялась. В дальнейшем это приводит к увеличению благосостояния, улучшению качества питания и здравоохранения, что, в свою очередь, стимулирует рост ожидаемой продолжительности жизни. Еще позднее изменения в характере работы и более надежные средства контроля рождаемости позволяют женщинам устраиваться на работу вне дома. Вместе с сопутствующими культурными изменениями это ведет к росту гендерного равенства.

В некоторых странах эти перемены наталкиваются на сопротивление культурного наследия, поскольку социокультурные изменения подвержены «эффекту колеи» (*path dependent*). Так, в протестантских обществах женщины добились права голосовать на десятилетия раньше, чем в католических, а в Японии женщины выходили на рынок труда медленнее, чем в других развитых странах. Но все больше данных свидетельствует о том, что модернизация делает эти и другие изменения все более вероятными. Даже Япония движется к гендерному равенству. Системы ценностей отражают баланс между движущими силами модернизации и сохраняющимся влиянием традиции. Хотя классики теории модернизации от Карла Маркса до Макса Вебера думали, что самоопределение на основе религиозной и этнической принадлежности однажды исчезнут, религия и национализм удерживают позиции. Культурное наследие удивительно устойчиво к изменениям.

Тем не менее исключительно быстрый экономический рост и государство всеобщего благосостояния, которые возникли в наиболее развитых индустриальных обществах после Второй мировой войны, в итоге привели к глобальным культурным сдвигам. Впервые в истории значительная часть населения этих стран выросла, чувствуя, что их выживание гарантировано. Поколения, родившиеся в таких условиях, стали отдавать предпочтение новым целям, таким, как качество окружающей среды и свобода самовыражения.

Это привело к процессу межпоколенческого изменения ценностей, которое уже трансформировало политику и культуру стран с высокими доходами и вскоре, вероятно, преобразят Китай, Индию и другие быстро развивающиеся общества, как только они достигнут стадии, когда значительная доля населения растет, принимая выживание как должное.

Лучше всего описанный аспект этого процесса – переход от материалистических ценностей (приоритет экономической и физической безопасности) к постматериалистическим (приоритет автономии и самовыражения). Но это лишь один из компонентов более широкого сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения⁶, который трансформирует господствующие нормы в области религии, гендерного равенства, толерантности к аутгруппам и усиливает поддержку защиты окружающей среды и демократических институтов.⁷ Жесткие культурные нормы, характерные для аграрных обществ, уступают место индивидуальной автономии

---

⁶ Шкала ценностей выживания-самовыражения описана в табл. 4.1 и в последующей дискуссии

⁷ Inglehart R. and W. Baker. 2000. "Modernization and Cultural Change and the Persistence of Traditional Values," *American Sociological Review* 65(1): 19–51; Inglehart, Ronald and Pippa Norris 2004. *Rising Tide: Gender Equality in Global Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press; Inglehart, Ronald and Christian Welzel, 2005. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press; Вельцель, Кристиан 2017. *Рождение свободы*. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.

и свободе выбора – а те, в свою очередь, благоприятствуют успешному развитию общества знаний.

Свидетельства значимости экзистенциальной безопасности

Несмотря на разницу в формулировках, антропологи, психологи, политологи, социологи, эволюционные биологи и историки развили удивительно схожие теории культурных и институциональных изменений: все они подчеркивают, насколько безопасность от таких угроз выживания, как голод, война или болезни, формирует культурные нормы и социо-политические институты общества.

Так, Инглхарт, Норрис, Вельцель, Абрамсон, Бейкер и другие авторы утверждают, что новое мировоззрение постепенно заменяет то, которое веками доминировало в западных обществах.⁸ Этот культурный сдвиг объясняется фундаментальной разницей между взрослением в условиях, опасных для жизни, и в условиях гарантированного выживания. К похожим выводам пришли исследователи в других дисциплинах. Например, Гельфанд и соавторы различают «жесткие» и «свободные» культуры, утверждая, что эти особенности сформированы экологическими и антропогенными угрозами, с которыми сталкивалось то или иное общество на протяжении своей истории.⁹ Эти угрозы увеличивают потребность в строгих нормах и наказании за девиантное поведение для поддержания порядка. Для «жестких» сообществ характерны авторитарные системы управления, которые подавляют инакомыслие, проводят политику устрашения, строго контролируют преступность и, как правило, более религиозны. Проверив эти гипотезы на данных опросов в 33 странах, Гельфанд и соавторы обнаружили, что в странах, которые сталкивались с серьезными экологическими и историческими угрозами, нормы более строгие относительно других стран, нетерпимость к девиантному поведению, наоборот, низкая.

Схожим образом Торнхилл, Финчер и соавторы представляют убедительные доказательства того, что уязвимость к инфекционным заболеваниям связана с коллективистскими установками, ксенофобией и неприятием гендерного равенства, притом все эти факторы затрудняют возникновение демократии.¹⁰ Они ранжировали население 98 стран по шкале коллективизма – индивидуализма и обнаружили, что высокая угроза заболеваний положительно связана с коллективистскими установками, с учетом уровня богатства и урбанизации. Барбер приходит к схожему выводу, что религия помогает людям справляться с опасными ситуациями, а по мере экономического развития, приносящего экономическую безопасность и здоро-

---

⁸ Inglehart, Ronald 1971. "The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies," *American Political Science Review* 65, 4: 991–1017; Inglehart, Ronald, 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press; Inglehart, Ronald 1990. *Cultural Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press; Inglehart, Ronald 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press; Inglehart, Ronald and Paul Abramson, *Value Change in Global Perspective*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. Inglehart, Ronald and Wayne Baker. 2000. "Modernization and Cultural Change and the Persistence of Traditional Values," *American Sociological Review* 65, 1: 19–51; Inglehart, Ronald and Pippa Norris 2004. *Rising Tide: Gender Equality in Global Perspective*. New York: Cambridge University Press; Norris, Pippa and Ronald Inglehart, 2004. *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. New York: Cambridge University Press. Инглхарт Рональд, Вельцель Кристиан. 2016. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. Библиотека Фонда «Либеральная миссия».

⁹ Gelfand, Michele et al. 2011. "Differences between Tight and Loose Cultures: A 33-Nation Study." *Science* 332(6033): 1100–1104.

¹⁰ Thornhill, Randy, Corey Fincher and Damian Aran, 2009. "Parasites, Democratization, and the Liberalization of Values across Contemporary Countries" *Biological Reviews* 84(1): 113–131; Thornhill, Randy, Corey Fincher, and Damian R. Murray, 2010. "Zoonotic and Non-zoonotic Diseases in Relation to Human Personality and Societal Values," *Evolutionary Psychology* 8:151–55; Fincher, Corey and Randy Thornhill, 2008. "Assortative Sociality, Limited Dispersal, Infectious Disease and the Genesis of the Global Pattern of Religious Diversity," *Proceedings of the Royal Society*, 275(1651): 2587–2594; Fincher, Corey, Randy Thornhill, Damian Murray and Mark Schaller, 2008. "Pathogen Prevalence Predicts Human Cross-cultural Variability in Individualism/Collectivism," *Proceedings of the Royal Society B* 275 (1640): 1279–1285.

вье, религиозность снижается.¹¹ Эти результаты перекликаются с гипотезами и результатами эволюционной теории модернизации.

Известный историк Ян Моррис посмотрел на проблему с другой точки зрения, однако пришел к аналогичным выводам. В результате исследования широкого круга исторических свидетельств он пришел к выводу, что «в каждой эпохе мыслят сообразно ее потребностям»: собирательские, фермерские и индустриальные общества развивают соответствующую систему ценностей посредством эволюционного процесса, схожего с тем, который описан в эволюционной теории модернизации.¹²

В данной главе все эти результаты обобщаются; особое внимание уделено причинно-следственным связям, лежащим в основе эволюционной модернизации. Основной тезис таков: экономическое развитие приносит экономическую и физическую безопасность и уменьшает уязвимость к болезням, что в совокупности благоприятствует большей открытости культуры и, в свою очередь, ведет к демократизации и более либеральному социальному законодательству.

Эта логика согласуется с классическими утверждениями Адорно и соавторов о том, что догматизм, строгость и нетерпимость начинают преобладать, когда подростки взрослеют, осознавая угрозы для собственного выживания, а также с тезисом Рокича, что экзистенциальные угрозы делают людей чрезмерно подозрительными, осторожными и нетолерантными, тогда как отсутствие угроз, напротив, формирует в людях уверенность, дружелюбие и толерантность.¹³ В соответствии с этими утверждениями ценности самовыражения (включающие толерантность к гомосексуальности) наиболее распространены в процветающих обществах с безопасными условиями жизни.¹⁴ Социально-экономическое развитие напрямую влияет на чувство экзистенциальной безопасности индивидов, определяя, есть ли угрозы физическому выживанию или его можно считать гарантированным. Результатом этого, как мы увидим, является то, что ценности и убеждения в развитых обществах существенно отличаются от тех, что распространены в обществах развивающихся.

---

¹¹ Barber, Nigel 2011. A cross-national test of the uncertainty hypothesis of religious belief. *Cross-Cultural Research*, 45(3), 318–333.

¹² Morris, Ian, 2015. *Foragers, Farmers and Fossil Fuels: How Human values Evolve*. Princeton: Princeton University Press.

¹³ Адорно, Теодор. *Исследование авторитарной личности*. Litres, 2016.

¹⁴ Инглхарт и Вельцель, 2005.

Рождение постматериализма в западных странах

Наиболее ранние и надежные эмпирические свидетельства изменений базовых ценностей в развитых обществах касаются сдвига от материалистических ценностей к постматериалистическим. Более 45 лет назад в книге «Тихая революция» я утверждал: «В политических культурах наиболее развитых индустриальных обществ, по-видимому, происходит трансформация. Похоже, эта трансформация изменяет базовые ценностные приоритеты конкретных поколений в результате изменения условий, в которых происходит их базовая социализация».¹⁵

Эта теория межпоколенческого изменения ценностей основана на двух ключевых гипотезах:¹⁶

1. *Гипотеза дефицита.* Практически каждый ценит свободу и автономию, но люди отдают приоритет своим самым насущным потребностям. Материальные средства к существованию и физическая безопасность тесно связаны с выживанием, и, когда они не гарантированы, люди придают первостепенное значение этим материалистическим целям; но в условиях безопасности люди больше ценят постматериалистические цели, такие как чувство принадлежности, уважение и свободный выбор.

2. *Гипотеза социализации.* Связь между материальными условиями и ценностными приоритетами включает значительный временной зазор: базовые ценности индивида отражают условия, которые существовали в годы его взросления, и эти ценности изменяются в основном путем смены поколений.

Гипотеза дефицита близка принципу убывающей предельной полезности. Она отражает различия между материальными потребностями физического выживания и безопасности и нематериальными потребностями, такими как самовыражение и эстетическое удовольствие.

В течение последних десятилетий развитые индустриальные общества поразительно отклонились от своей предшествующей истории: значительная часть их населения выросла, *не ощущая* голода и экономической незащищенности. Это привело к сдвигу, при котором чувство идентичности, уважение и свободный выбор стали более значимы. Гипотеза дефицита предполагает, что длительные периоды процветания способствуют распространению ценностей постматериализма, в то время как продолжительные экономические спады приводят к противоположным результатам.

Однако между социально-экономическим развитием и преобладанием постматериалистических ценностей нет прямого соответствия. Эти ценности отражают субъективное чувство безопасности индивида, которое частично определяется уровнем доходов общества, но также институтами социального обеспечения и свободой данного общества от насилия и болезней. Показатель ВВП на душу населения – один из наиболее доступных индикаторов условий, которые ведут к этому ценностному сдвигу, но с теоретической точки зрения решающим фактором является чувство экзистенциальной безопасности у индивида.

Более того, как утверждает гипотеза социализации, базовые ценностные приоритеты человека не меняются мгновенно. Одна из наиболее широко поддерживаемых в социальных науках идей гласит, что базовая структура личности кристаллизуется к концу взросления. Значительное количество результатов исследований указывает на то, что базовые ценности личности во многом сформированы к завершению взросления и после этого значительно уже не меняются.¹⁷

---

¹⁵ Inglehart, Ronald 1971.

¹⁶ Inglehart, Ronald, 1977.

¹⁷ Rokeach, Milton, 1968. *Beliefs, Attitudes and Values*. San Francisco: Jossey-Bass, Inc; Inglehart, 1977; Inglehart 1997.

Если это так, то можно было бы ожидать значительных различий между ценностями молодых и пожилых в обществах, где уровень безопасности вырос. Межпоколенческий ценностный переход происходит, когда молодые поколения растут в условиях, отличных от тех, в которых сформировались предыдущие поколения.

Из этих двух гипотез можно сделать несколько предположений по поводу смены ценностей. Во-первых, хотя гипотеза дефицита подразумевает, что экономическое процветание благоприятствует распространению ценностей постматериализма, гипотеза социализации предполагает, что изменение ценностей в обществе происходит не мгновенно, а постепенно, в основном – за счет смены поколений. Между экономическими изменениями и их политическими эффектами есть существенный временной зазор.

Первые эмпирические свидетельства межпоколенческого сдвига были зафиксированы в 1970 г. в шести странах Западной Европы – в опросах, проведенных для проверки гипотезы о переходе от материалистических ценностей к постматериалистическим.¹⁸ Эти опросы обнаружили значительные различия между ценностными приоритетами молодых и старших поколений. Если, как мы утверждаем, эти возрастные различия отражали межпоколенческий сдвиг ценностей, а не просто тенденцию к тому, что люди с возрастом становятся более материалистичными, то мы ожидали бы увидеть постепенный переход от материалистических ценностей к постматериалистическим, по мере того как старые поколения взрослых людей сменяются молодыми. Если происходило именно это, то этот процесс имеет далеко идущие последствия, поскольку эти ценности тесно связаны с целым набором важнейших установок, от важности политического участия и свободы самовыражения до защиты окружающей среды, гендерного равенства и демократических политических институтов.

Тезис об изменении ценностей с самого начала вызывал противоречия. Критики спорили, что значительная ценностная разница по возрасту, обнаруженная в 1970 г., отражала скорее эффекты жизненного цикла, нежели межпоколенческие изменения: молодые люди по своей природе предпочитают постматериалистические ценности, такие как политическое участие и свобода слова, но по мере взросления они начнут отдавать предпочтение тем же материалистическим ценностям, что и их родители. Так что ценности общества в целом не изменятся.¹⁹

Гипотеза изменения ценностей, напротив, утверждает, что молодые люди больше поддерживают постматериалистические ценности, чем старшие поколения, только в том случае, если они выросли в существенно более безопасных жизненных условиях. Соответственно мы не ожидали бы межпоколенческих изменений в застойных обществах, и если будущие поколения уже не растут в более безопасных условиях, чем старшие, то межпоколенческие ценностные изменения не будут обнаружены. Однако степень защищенности, актуальная для «формативных лет» взросления, имеет долгосрочное влияние на индивида. Соответственно, по мере того как послевоенные, более постматериалистические когорты заменяют более старшие, материалистические, мы станем свидетелями постепенного перехода от материалистических ценностей к постматериалистическим. Разница между опытом лет взросления послевоенной когорты и всех предыдущих когорт создала огромные различия в их ценностных приоритетах. Однако эти различия стали очевидны только тогда, когда первое послевоенное поколение приобрело политическую значимость, т. е. через два десятилетия после Второй мировой войны, что внесло свой вклад в эпоху студенческих протестов в конце 1960-х и в 1970-е годы. Широко распространенный слоган среди протестующих в то время гласил: «Не верьте никому старше тридцати!»

---

¹⁸ Эта гипотеза возникла благодаря индикаторам межпоколенческих изменений ценностей, которые возникли в эру студенческих протестов в конце 1960-х и начале 1970-х.

¹⁹ Boeltken, Ferdinand and Wolfgang Jagodzinski, 1985. "In an Environment of Insecurity: Postmaterialism in the European Community, 1970–1980." *Comparative Political Studies* 17: 453–484.

В данной главе анализируются культурные изменения с использованием результатов репрезентативных национальных опросов, проведенных с 1981 по 2014 г. в более чем 100 странах²⁰, подкрепленных экономическими, демографическими и политическими данными. Эти масштабные эмпирические свидетельства показывают, что предсказанный нами межпоколенческий сдвиг от материализма к постматериализму действительно происходит. Однако мы также покажем, что это лишь единичный аспект широкого культурного сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения, при которых во главу угла ставятся гендерное равенство, защита окружающей среды, терпимость, межличностное доверие и свобода выбора. Этот сдвиг касается и воспитания детей, где главным качеством, которое нужно воспитать, являются уже не трудолюбие, а воображение и толерантность. Этот сдвиг также приводит к возникновению новых вопросов в политических дебатах и способствует распространению демократии.

---

²⁰ Подробная информация представлена на сайтах Мирового исследования ценностей и Европейского исследования ценностей: <http://www.worldvaluessurvey> и www.europeanvaluesstudy.eu.

Культурные изменения и трансформации всего общества

Изменения ценностей могут преобразовать целые общества. Культура – это совокупность норм и умений, способствующих выживанию в определенной среде и определяющих стратегию выживания конкретного общества. Подобно биологической эволюции, развитие культуры происходит через процессы, аналогичные случайным мутациям и естественному отбору; но поскольку культура – это комплекс приобретенных знаний, а не врожденная особенность, то и изменить направление она может куда быстрее, чем биологическая эволюция.

В последние десятилетия доминирующие ценности в высокоразвитых обществах сильно изменились, трансформируя культурные нормы в отношении гендерных ролей, аборт, разводов, контроля рождаемости и сексуальной ориентации, которые до этого сохранялись столетиями. Один из наиболее ярких примеров – возникновение новых гендерных ролей. На протяжении всей истории женщины, как правило, были подчинены мужчинам и были ограничены узким набором ролей: сперва – как послушные дочери, а потом – как добропорядочные жены и матери. В последние десятилетия это положение коренным образом изменилось. Все чаще любая работа, которая доступна для мужчин, открыта и для женщин. Два поколения назад женщины составляли меньшинство среди студентов вузов.

Сегодня в индустриальных обществах их большинство среди студентов университетов, и среди преподавателей их доля также растет. Менее века назад в большинстве стран мира женщины не могли даже голосовать; теперь же они не только голосуют, но и занимают все больше парламентских мест во многих демократических странах, а также продвигаются на высшие политические позиции. После долгих веков существования в подчиненном положении женщины всё чаще занимают руководящие должности в академической жизни, бизнесе и государственном управлении.

Другой пример недавних общественных изменений: мэрами крупных городов, членами парламента, министрами иностранных дел и главами правительств становятся политики с открытой гомосексуальной ориентацией. С 2000 г. все больше стран легализуют однополые браки. Скорость изменений сильно варьируется, и страны с низкими доходами²¹ (особенно исламские) сильно сопротивляются изменениям. Во многих странах гомосексуальность до сих пор вне закона, а в некоторых странах за гомосексуальное поведение предполагается смертная казнь. Например, в последних опросах в Египте 99 % населения заявили, что гомосексуальность «не оправданна никогда», – это означает, что в Египте гомосексуальность осуждают даже геи. Происходящие культурные изменения вызывают тревогу у тех, кто придерживается традиционных норм. Эти изменения породили одни из самых острых политических вопросов в развитых странах. Ими же можно объяснить современный конфликт между исламскими фундаменталистами и западными обществами. Население стран с высокими доходами за последние десятилетия быстро изменилось, тогда как в странах с мусульманским большинством население изменялось мало, и с их точки зрения социальные нормы современных богатых стран – упаднические и шокирующие. Растет пропасть между придерживающимися традиционных ценностей исламскими странами и развитым миром. Когда-то многие жители мусульманских стран видели в западных демократиях образец для подражания; сегодня же исламские фундаменталисты считают, что от влияния западной культуры необходимо защищаться.

---

²¹ Мы ссылаемся на классификацию низких доходов Мирового Банка 1990 г.: мы используем уровни доходов за этот период, поскольку существуют серьезные доказательства того, что базовые ценности формируются условиями, в которых происходило взросление, а не текущими экономическими условиями.

Познание и эмоции как источники изменения ценностей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.